

Г.В. Вдовина

Carentiae и спор о негативном бытии*

Вдовина Галина Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: galvd1@yandex.ru

В статье рассматривается место отрицаний и лишенностей в структуре знания с точки зрения схоластической философии XVII в. Средневековая схоластика видела в *negationes* и *privationes* объекты, составляющие центральную область ментального сущего (*ens rationis*), обладающего бытием только в интеллекте. Эта традиционная концепция была четко сформулирована и зафиксирована Франсиско Суаресом в заключительной главе его «Метафизических рассуждений». Десятилетия после смерти Суареса в 1617 г. стали временем глубоких преобразований в метафизике, которые затронули и учение о ментальном сущем. Особенно явно перемены отразились на судьбе отрицаний и лишенностей, обозначаемых общим термином *carentiae* – отрицаний в широком смысле. Вся эта область была разделена на фиктивные и реальные отрицания; фиктивные отрицания остались в поле *ens rationis*, а реальные были выведены за его пределы. Именно реальные отрицания привлекли к себе особое внимание схоластических философов, которые старались понять их природу и структуру, а самое главное – их онтологический статус: являются ли они исключительно логико-лингвистическими конструкциями или представляют собой факты реального мира. В статье рассматриваются различные концепции реальных *carentiae* в схоластике XVII в. на материале философских курсов иезуитов: Франсиско Суареса (Старшего), «португальского Суареса» (Франсиско Суареса Младшего), Томаса Комптона Карлтона, Антонио Бернальдо де Кироса, Себастьяна Искьердо и Пьетро Сфорца Паллавицино.

Ключевые слова: постсредневековая схоластика, отрицания и лишенности, *carentiae*, *ens rationis*, ментальное сущее, Франсиско Суарес

В средневековой схоластической традиции отрицания и лишенности (*negationes et privationes*)¹ причислялись к *entia rationis*, или ментальным сущим, которые обладают

---

* Статья написана при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18–011–00162 «*Ens rationis*: несуществующие объекты, ментальные фикции и отрицания в логико-метафизическом дискурсе схоластики XVII в.».

¹ Под отрицаниями в узком смысле схоласты подразумевали отсутствие какого-либо свойства в субъекте, по природе не способном его иметь (например, отсутствие зрения в камне). Под лишенностью, напротив, понималось свойство, отсутствующее в способном его иметь субъекте (слепота в человеке).

бытием только в качестве объектов мышления, но не в качестве реальных объектов вне мысли. Отрицания и лишения объединялись под общим неформальным названием *carentiae* (отсутствий, неимений, отрицаний в широком смысле). Они составляют особую группу объектов и в посттридентской схоластике. Все пишущие о них авторы так или иначе, пользуясь разными формулировками, рассматривают, по существу, одни и те же вопросы: существуют ли негативные объекты? Существуют ли негативные факты? Существует ли негативное бытие? Эти вопросы задают общую рамку проблематизации негативностей в схоластической философии раннего модерна². Наша задача – представить это проблемное поле в его основных чертах.

1. Франсиско Суарес: точка отсчета

В качестве точки отсчета логично взять учение Франсиско Суареса, сформулированное в диспутации LIV «Метафизических рассуждений» [Suárez, 1995]³. Для Суареса вся совокупность *ens rationis* делится на отрицания, лишения и ментальные отношения. Отрицания и лишения, совокупно образующие группу негативных сущих – *carentiae*, противопоставляются ментальным отношениям как единственной группе позитивных *entia rationis*⁴. С точки зрения Суареса, позитивные ментальные сущие невозможны в абсолютной форме ни в одной из категорий, кроме категории отношения к другому существу. Скажем об этом несколько слов. Для реального отношения, согласно Суаресу, требуется соблюдение трех условий: субъект, способный к такому отношению; реальный фундамент отношения, который может быть убедительно обоснован в своей фундирующей функции; актуально существующий термин отношения. Если хотя бы одно из этих условий отсутствует и если отсутствующий реальный элемент замещается вымышленным (чтобы восполнить для интеллекта то звено, которое отсутствует в реальности), устанавливаемое отношение между фундаментом и термином будет ментальным отношением, *relatio rationis* [DM 54.6.2]. Но почему позитивное ментальное сущее возможно только в категории отношения? Почему им не может быть фиктивная субстанция или прочие акциденции, кроме отношения? Потому что фикции в любой другой категории, по убеждению Суареса, *всегда* и *уже* заключают в себе отрицание. Так, коню невозможно быть львом, и поэтому сущее, которое мыслится одновременно как конь и как лев, мы называем фикцией и химерой, т.е. чем-то таким, в чем одна часть отрицает другую. Поэтому все такие фикции в любой категории, кроме отношений, принадлежат, согласно Суаресу, к негативному *ens rationis* [DM 54.4.10].

Родовое понятие для отрицаний и лишений – *carentiae* (отсутствия) – очень часто обозначалось также термином «отрицания», взятом в широком смысле.

² Литература, исследующая негативности и *ens rationis* в посттридентской схоластике, крайне скудна. Из важнейших публикаций назовем следующие: [Schmutz, 2007; Doyle, 2012; Novotny, 2013; Embry, 1015].

³ Суарес, будучи фигурой пограничной, подводит итог средневековым изысканиям в области *ens rationis* (к которому его предшественники относили главным образом отрицания и лишения, а также ментальные отношения) и задает направление развитию темы *ens rationis* в схоластике XVII–XVIII вв. Далее цитируется в соответствии с общепринятыми обозначениями: DM (Disputationes Metaphysicae), затем указываются номер диспутации, номер раздела и номер параграфа.

⁴ По словам Вольфганга Хюбенера, разделение *ens rationis* на *negatio* (в широком смысле *carentiae*) и *relatio rationis* провел Фома Аквинский (De verit., 21, 1, co: «Id autem quod est rationis tantum, non potest esse nisi duplex, scilicet negatio et aliqua relatio» – «То же, что представляет собой лишь ментальное сущее, не может не быть двойственным, а именно отрицанием и некоторым отношением»). Суарес лишь развил это учение. См. [Hübener, 1985, S. 69–70].

Обратимся непосредственно к *caerentiae* в концепции Суареса. Они составляют центральную категорию, ядро ментальных сущих. Главный вопрос, который встает в отношении *caerentiae*: являются ли они чем-то, что обладает только объективным бытием в интеллекте, или они существуют на самом деле?

Суарес хотя и кратко, но глубоко исследует их как со стороны бытия, так и со стороны познания. Любые *caerentiae* подразумевают со стороны бытия некое отсутствие, или неимение, или устранение; короче говоря, отрицание в широком смысле. Будучи взятыми в аспекте отношения к реальности, *caerentiae* делятся на истинные и ложные, или, что то же самое, на реальные и вымышленные, фиктивные. «Если отрицание истинно, – пишет Суарес, – в нем нет никакой интеллектуальной фикции; пока интеллект абстрактно мыслит, что человек не есть лошадь, он истинно мыслит то, что есть в реальности, и так, как оно может быть... Ибо истинно и со стороны реальности одно не есть другое, даже если бы не усматривалось и не познавалось человеком» [DM 54.5.2]⁵. Такие истинные отрицания «могут быть названы реальными отрицаниями или лишениями, поскольку истинно устраняют реальные формы или природы» [ibid.]⁶. Например, когда мы говорим, что воздух темен или в воздухе присутствует темнота, мы на самом деле выражаем не то, что в воздухе реально пребывает нечто именуемое темнотой, а то, что в воздухе отсутствует свет, и поэтому воздух истинно познается и утверждается как лишенный света, т.е. темный. Но есть и другой вид отрицаний: «Я сказал – если отрицание истинно, потому что если кто-нибудь помыслит о человеке, что он не есть живое существо, тогда такое отрицание даже в качестве отрицания будет чистым вымыслом интеллекта и будет в нем только объективно, и потому будет ментальным сущим, или, вернее, ментальным отрицанием» [ibid.]⁷. Стало быть, по критерию отношения к реальности лишь часть *caerentiae*, представляющая чистые фикции, может быть по праву названа ментальным сущим.

Но есть и второе различие – между способом бытия отрицаний и способом их познания. Хотя истинные отрицания реальны, они не полагают никакого реального бытия, напротив, устраняют его, хотя постигаются при этом по способу сущего. Но именно такой способ познания свойствен *entia rationis*: будучи не-сущими, они мыслятся как сущие. Поэтому все отрицания нужно считать ментальными сущими по способу их познания [ibid.]⁸. В самом деле, они не могут познаваться через собственные интенциональные формы-*species*⁹, так как, будучи не-сущими, не могут иметь собственных интенциональных форм. Следовательно, «они познаются нами через *species* противоположной формы, косвенно и посредством некоего рассуждения,

⁵ «In negatione... si vera sit negatio, nulla est fictio intellectus; sed dum intellectus concipit praecise hominem non esse equum, illud vere concipit quod in re est, eo modo quo esse potest... quia vere et a parte rei unum non est aliud, etiamsi ab homine non consideretur, nec cognoscatur».

⁶ «Negationes, quae verae sunt, dici possunt negationes aut privationes reales, quatenus vere remouent formas aut naturas reales».

⁷ «Dixi autem, si vera sit negatio, quia si negatio falsa sit, ut si quis concipiat hominem, qui non sit animal, tunc illa negatio etiam sub ratione negationis est mere conficta per intellectum, solumque habet esse obiective in illo, et ideo est ens rationis, vel potius negatio rationis».

⁸ «Sunt autem privato et negatio entia rationis, quatenus per modum entis concipiuntur, ut supra declaratum est».

⁹ *Species* (интенциональные формы): в схоластическом аристотелизме этот термин обозначает те виды когнитивных инструментов, которые обеспечивают реальную связь между внешним объектом постижения и внутридушевной когнитивной способностью. В силу необходимой зависимости нашего когнитивного аппарата от первичных чувственных данных мы можем познавать напрямую, через собственные *species* объектов, только материальные объекты. Все нематериальное доступно нам лишь через *species* других, материальных вещей (*per species alienae* – через чуждые формы), от которых на более высоких стадиях когнитивного процесса могут быть абстрагированы понятия нечувственного.

и потому познание лишенности необходимо предполагает познание позитивного, через которое интеллект способен прийти к познанию лишенности» [DM 54.5.5]¹⁰. Однако есть и различие, которое пролегает внутри самих *carentiae* между отрицаниями и лишенностями. В самом деле, лишенности всегда постигаются как нечто добавленное или присоединенное к некоему субъекту («человек слеп», «собака не имеет слуха»), а отрицание не всегда таково: ведь невозможные предметы (химера, козлоолень) мыслятся Суаресом как самоотрицающие субъекты, а не добавочные свойства субъектов, и даже само Ничто – тоже отрицание, которое не мыслится приданным чему-либо, а «дано» само по себе.

Итак, есть отрицания истинные и есть чисто фиктивные. Вторые, очевидно, не существуют в реальности, а только в объективном бытии, а потому по-прежнему относятся к области ментального сущего. Первые же, оставаясь *ens rationis* по способу познания, имеются в реальности, «ибо суть не что-то вымышленное умом, но истинно свойственны самим вещам, ибо в самой реальности воздух темен и лишен света и человек не бел, если он черен» [DM 54.3.2]¹¹. Но что значит для *carentiae* «иметься в реальности»? Означает ли это, что небытие «есть», или что «есть» негативное бытие? Согласно Суаресу, здесь нужно суметь избежать семантической ловушки. Если не-сущее есть, то есть и небытие, которым обладает множество не-сущих: не-человек, не-лошадь и т.д. Продолжая эту мысль, можно было бы сказать, что до сотворения мира уже имелось его небытие, и все, что в мире, уже от вечности имелось как не-сущее, т.е. как неисчислимое множество негативных объектов, наполнявшее не-сущий мир, что абсурдно. Ловушка же в том, что высказывания типа «химера есть не-сущее», «лошадь есть не-человек» имеют форму утверждений, а именно утверждений о негативных объектах, хотя по смыслу и значению они эквивалентны пропозициональному отрицанию. Действительно, в порядке сочленения слов отрицание «не» стоит после глагола-связки, как если бы оно относилось только к следующему за ним имени: к «сущему», «человеку» и т.д.; однако по смыслу оно относится именно к глаголу: пропозиция «химера есть не-сущее» эквивалентна пропозиции «химера не есть сущее», «лошадь есть не-человек» эквивалентна пропозиции «лошадь не есть человек». При таком понимании негативные высказывания не вынуждают к признанию негативных *сущих*. Мы также получаем свободу приписывать фиктивным сущим «первого порядка» дальнейшие вымышленные отрицания – например, мыслить не-видящую (слепую) химеру (*chimaeram caecam*). Мы можем также приписывать одним фикциям отрицание других: например, мыслить то суждение, что химера не есть козлоолень; и вообще нанизывать отрицание на отрицание, отталкиваясь от некоторой первичной фикции [DM 54.5.16], отнюдь не умножая тем самым не-сущее население не-сущего мира.

В итоге из рассуждений Суареса можно заключить, что он признает наличие истинных и реальных отрицаний как фактов существующего мира, выраженных пропозиционально: фактов истинного устранения некоторых реальных форм от некоторых реальных сущих. Но он не признает ни фактичности фиктивных отрицаний, выраженных ложными пропозициями, ни простых негативных объектов, выраженных номинально (химера, кентавр), ни реальности не-сущего и небытия.

¹⁰ «...cognoscuntur ergo a nobis per speciem oppositae formae indirecte et medio aliquo discursu, et ideo cognitio privationis necessario supponit cognitionem positivi, per quod possit intellectus in cognitionem privationis pervenire».

¹¹ «...quia non sint aliquid mente confictum, sed vere rebus ipsis conveniunt, nam in re ipsa aer est tenebrosus et carens lumine, et homo est non albus, si sit niger».

2. Изменение конфигурации и «португальский Суарес»

Внутреннее напряжение в ядерной группе *entia rationis* у Суареса и своего рода насильственность, с какой Суарес пытался втиснуть невозможные сущие в категорию отрицаний, априорно заставляют предполагать, что развитие схоластической мысли в этой области вряд ли могло остановиться на суаресовской концепции. И действительно, при всех различиях позднейших авторов в частности обращает на себя внимание изменение внутренней конфигурации области ментального сущего в целом.

Прежде всего, философов после Суареса не удовлетворяло отнесение номинальных фиктивных сущих к отрицаниям. Во второй половине XVII в. четко проявилась тенденция рассматривать химеры как формально *позитивные* фикции. В зафиксированной у Суареса стандартной средневековой классификации *ens rationis* им собственного места не нашлось. В философском курсе, изданном в 1649 г., иезуит Томас Комптон Карлтон пишет: «Такое разделение представляется неверным. Во-первых, потому что чистая, без какого-либо основания, фикция есть вид ментального сущего, однако под это разделение никак не подводится». Во-вторых, коль скоро фиктивные сущие имитируют сущие реальные, которые разделяются на десять категорий, «почему бы и ментальным сущим, способным измышляться по подобию реальных, не разделяться на столько же категорий?» [Compton Carleton, 1649, p. 80]¹². И в самом деле, опыт мышления подтверждает, что «по подобию субстанции измышляются химеры, кони-олени и прочие подобные ментальные сущие, которые измышляются как бы само-стоятельными»¹³. По способу количества измышляется протяженность этих ментальных сущих или воображаемое пространство и тому подобное. По способу качества мы, например, измышляем белого ангела: эта белизна мыслится как внутренне присущая ангелу, хотя она химерична – если только Бог не сотворит белизну, которая по природе требовала бы внутренней присущести ангелу» [ibid.]¹⁴. Поэтому Комптон согласен признать классификацию Суареса только в ограниченных пределах: постольку, поскольку она охватывает так называемые *доктринальные* ментальные сущие, т.е. те, которые образуются с необходимостью в процессе мышления и познания (например, абстрактные логические, физические, метафизические понятия, необходимые для разработки и усвоения учебных доктрин). Но в центр области *ens rationis* Комптон помещает *ментальные фикции*, которые могут измышляться в любом количестве и в любой категории, неизмеримо превосходя числом реальные вещи.

Философы второй половины XVII в. большей частью не только переносят акцент на чистые фикции, но и серьезно переосмысливают место и роль отрицаний и лишенностей по отношению к *ens rationis*. Уже Суарес разделял *caentiae* на чисто ментальные и реальные; но это различие со стороны объекта стиралось у Суареса общим способом постижения отрицаний через чуждые интенциональные формы

¹² «Non recte assignata videtur haec divisio. Primo, quia mera fictio sine ullo fundamento est species Entis Rationis, et tamen sub hac divisione nequaquam continetur. Secundo, quia sicut entia realia dividuntur in decem praedicamenta, quidni etiam Entia Rationis, quae ad eorum similitudinem fingi possunt, in totidem dividantur».

¹³ Слух философа-схоласта различал в *substantia* некое созвучие с *per se stantia* – «само-стоятельными» сущими, т.е. сущими через самих себя, а не благодаря иному, в отличие от акциденций.

¹⁴ «Ad similitudinem quippe substantiae finguntur Chimaerae, Hippocervus, et alia huiusmodi Entia Rationis, quae finguntur quasi per se stantia. Per modum quantitatis finguntur extensio horum Entium Rationis, vel spatium imaginarium et similia: per modum qualitatis, ut si fingamus Angelum album, illa enim albedo fingitur inesse Angelo, cum tamen Chimaerica sit, nulla siquidem a Deo creari albedo potest, quae petat naturaliter Angelo inhaerere».

(*per species alienae*). В отличие от Суареса, позднейшие философы окончательно разъединили эти два типа отрицаний и вывели реальные отрицания за пределы ментального сущего. Тот же Комптон подчеркивает: «Отрицания близки к ментальным сущим и даже, как считают многие, рождаются из одного (с ними) яйца, то есть из вымысла интеллекта» [Compton Carleton, 1649, p. 80]¹⁵; однако близость не означает тождества. Того же мнения придерживался видный последователь Дунса Скота Джон Панч: если говорить не о тех отрицаниях и лишениях, которые имеют фундаментом ментальные сущие (например, «химера не есть козлоолень»), а о реальных отрицаниях (например, «сумрачный воздух лишен света»), то «*отрицания и лишения – не ментальные сущие... они пребывают в реальных вещах независимо от созерцания, ибо истинно, что слепой помимо любого созерцания интеллекта лишен зрения, а животное – разумности; следовательно, это не ментальные сущие*» [Poncius, 1672, p. 33]¹⁶.

Очень четко высказывается на этот счет другой, «младший» Франсиско Суарес – португальский философ-иезуит (1605–1659), преподававший в университетах Коимбры и Эворы; обычно его называют «Португальский Суарес» (Soares Lusitanus), чтобы отличить от великого предшественника-испанца. В «Философском курсе, распределенном по четырем томам» (1651) он пишет, что имеются два вида отрицаний: одни – реальные, которые мыслятся по способу позитивного сущего и постигаются как сущее, например мрак, постигаемый как некая черная завеса; другие – ментальные отрицания: так, если сказать: *Сократ не есть человек*, то это отрицание человека в Сократе не дано в реальности, а только измышляется интеллектом. Вопрос: должны ли мы включить оба вида отрицаний в число *entia rationis*, как включали их «старший» Суарес и схоластические философы до него?

«Старший» Суарес провел различие между *carentiae*, взятыми в качестве объекта, и теми же *carentiae*, взятыми со стороны акта, которым они постигаются. Суарес Младший поступает так же, чтобы рассмотреть эти два аспекта отрицаний порознь. «Я считаю, – говорит он, – что реальное отрицание, например, мрак, схваченный через интенциональную форму позитивного сущего, есть не ментальное сущее, а реальное отрицание. И доказываю это, потому что вещь, познанная абстрактно через чуждые *species*, не является ментальным сущим... И подтверждается это тем, что независимо от того, каким способом я познаю мрак (то есть по способу позитивного сущего или нет), он дан со стороны вещи; следовательно, он не является ментальным сущим» [Soares Lusitanus, 1651, p. 26–27]¹⁷. Тот факт, что *carentia* – в данном случае лишенность света – познается только через форму реальной вещи, еще не создает ментального сущего и не является признаком его наличия; в противном случае мы не могли бы познавать в земной жизни ничего, кроме чувственных вещей. В самом деле, через чуждые *species* познаются *любые* нематериальные вещи: универсалии, духовные субстанции и свойства и сам Бог; но у кого повернется язык, спрашивает португальский иезуит, назвать Бога ментальной фикцией? Поэтому реальность или фиктивность отрицания определяется *только* со стороны объекта, а именно: имеется ли это отрицание в реальности или нет. Если теперь, напротив,

¹⁵ Compton Carleton *Th. Logica. Disp. XVIII, Prooem. P. 80*: «Entibus Rationis affines sunt Negationes, imo eodem, ut multi putant, ovo genitae, fictione scilicet intellectus».

¹⁶ «*Negationes et privationes non sunt entia rationis... quia insunt rebus realibus independenter a consideratione, verum est enim dicere quod caecus nullo intellectu considerante habet privationem visus, et brutum negationem rationalitatis, ergo non sunt entia rationis*».

¹⁷ «*Ego existimo, negationem realem, v.g. tenebras conceptas per species entis positivi non esse entia rationis, sed negationem realem. Et proba, quia res cognita abstractivae per species alienas non est ens rationis... Et confirmatur, quia tenebrae sive a me cognoscantur, hoc, vel illo modo (hoc est, al instar entis positivi, aut non) dantur a parte rei: ergo non sunt ens rationis*».

сосредоточиться на том, как постигается *carentia*, и спросить, не производится ли *ens rationis*, когда мы представляем мрак как некую черноту, «я отвечу отрицательно, – говорит Суарес-младший, – потому что не называю мрак чернотой и не подвожу мрак под понятие черноты, в каковом случае производилось бы некоторое ментальное отношение; но лишь пользуюсь интенциональной формой черноты для познания мрака. Точно так же, когда я познаю Бога гадательно, то есть в зеркале творений, я не говорю, что Бог есть тварное сущее, и не подвожу Бога под тварное сущее, но пользуюсь формами тварного сущего, чтобы познать Бога» [Soares Lusitanus, 1651, p. 27]¹⁸.

Можно было бы возразить, что отрицание, которое одновременно есть некая позитивная вещь, со стороны реальности не может быть данностью, и поэтому отрицание, постигаемое по способу позитивной вещи, есть в действительности не реальное сущее, а ментальное. Ответ Суареса-младшего звучит убедительно:

Отвечаю: когда мы постигаем отрицание по способу сущего, мы постигаем не то, что отрицание есть сущее, а постигаем отрицание через интенциональную форму сущего. Например, когда мы, как я сказал, постигаем Бога по способу тварного сущего, мы постигаем не то, что Бог есть тварное сущее, а постигаем нетварное сущее через форму тварного сущего. Итак, аргумент основан на ложном допущении, а именно: когда отрицание постигается по способу сущего, постигается, что отрицание есть сущее. Но постигается лишь отрицание через форму сущего [ibid.]¹⁹.

Итак, способ постижения сам по себе не создает фиктивного сущего. Фиктивность – собственное свойство *ens rationis* как объекта в объективном бытии. Это свойство присутствует у фиктивных отрицаний (*negationes rationis*), опирающихся на фиктивные сущие, и отсутствует у реальных отрицаний, которые поэтому исключаются из области ментального сущего. Но как возможна реальность отрицаний? Разве само это словосочетание не означает противоречия в терминах? Или в формулировке одного из схоластических философов: «Имеется ли некое понятие со стороны объекта, которому отлично от нашего интеллекта и прежде нашего когнитивного акта поистине было бы свойственно быть отрицанием, как позитивному бытию свойственно вот так, независимо от интеллекта, быть истинным реальным сущим?» [Bernaldo de Quiros, 1666, p. 738]²⁰. Иначе говоря, вопрос ставится о внемысленном *негативном бытии*, не сводимом к объективному бытию в уме.

3. Carentiae: спор о негативном бытии

Негативность как общее фундаментальное свойство отрицаний и лишений безусловно признавалась всеми сторонами дискуссии, независимо от любых расхождений в иных вопросах. Одни философы, пишет Томас Комптон Карлтон, называют

¹⁸ «Quaeres, utrum saltem quando concipimus negationem realem, v.g. tenebras per species nigredinis, necessario fiat aliquod ens rationis? Respondeo negative, quia ego non dico tenebras esse nigredinem, neque ordino tenebras ad nigredinem, quibus in eventibus fieret aliqua relatio rationis; sed solum ad cognoscendas tenebras utor speciebus nigredinis. Sic, cum cognosco Deum per aenigmata, seu species entis creati, non dico Deum esse ens creatum, neque ordino Deum ad ens creatum, sed ad cognoscendum Deum utor speciebus entis creati».

¹⁹ «Respondeo, cum concipimus negationem per modum entis, non concipere negationem esse ens, sed negationem per species entis; sic, ut dixi, cum concipimus Deum per modum entis creati, non concipimus Deum esse ens creatum, sed ens increatum per species entis creati. Itaque in argumento supponitur falsum, nimirum, cum concipitur negatio per modum entis, concipi negationem esse ens; solum concipitur negatio per species entis».

²⁰ «An distincte ab intellectu nostro, et antecedenter ad nostram cognitionem sit aliquis conceptus ex parte objecti, cui vere competat esse negationem, sicut vere enti positivo convenit sic independenter ab intellectu esse verum ens reale?».

entia rationis ментальными *сущими*, а *carentiae* – *не-сущими*, и утверждают, что как те обязаны интеллекту своим *бытием*, так эти – своим *небытием*; «другие же хотя и признают отрицания, если можно так выразиться, тончайшими и слабейшими побегими, однако наотрез отказываются считать их фикциями. Как бы то ни было, отрицания для позитивных вещей, безусловно, губительны и фатальны, ибо всегда возникают из их гибели, рождаются из уничтожения, живут смертью» [Compton Carleton, 1649, p. 80]²¹. Именно вокруг вопроса о том, *как именно* отрицания и лишенности живут смертью реального бытия, развернется дискуссия.

Прежде всего: чему присуща негативность? Что живет смертью реального бытия? О каких реальных отрицаниях идет речь? С одной стороны, имеются отрицательные высказывания, противоположные утвердительным, и те ментальные суждения, которым эти высказывания соответствуют. То и другое можно ради удобства назвать *актуальными* отрицаниями, так как они выражаются в речевых и ментальных актах. С другой стороны, имеется само устранение (*remotio*), само отсутствие (*carentia*) сущего, обозначаемое высказываниями и суждениями; его можно назвать *объективным* отрицанием, т.е., в терминологии схоластов, отрицанием со стороны объекта. Именно об этих – объективных – отрицаниях пойдет речь далее. При этом не будем забывать, что в дискуссии о бытии отрицаний о них говорится в общем смысле, как о *carentiae*, без дополнительного и в данном случае нерелевантного различения на лишенности и отрицания в узком смысле.

Основное свойство *carentiae* выражено в понятии негативного сущего, или *негативного объекта*, который Пьетро Сфорца Паллавичино описывает следующим образом: «Понятие негативного объекта как отличного от позитивного состоит в том, что позитивный объект не приводит самим своим содержанием к познанию противоположного ему как основания своей познаваемости, негативный же объект приводит» [Pallavicino, 1653, p. 80–81]²². «Когда я мыслю мрак, я ничего не могу постигнуть, кроме как через понятие света как основания познаваемости понятия мрака». *Carentia* отличается тем, что «ее термин хотя и должен познаваться одновременно с самим познаваемым, но не может утверждаться с самим утверждаемым; напротив, он вместе с самим утверждаемым необходимо отрицается: так, я не могу утверждать мрак, не отрицая света; с другой стороны, я могу утверждать свет, вовсе не думая о мраке» [ibid.]²³. Таким образом, негативный объект, в отличие от позитивного, всегда релятивен.

Внемысленное существование / несуществование негативных объектов, «живущих смертью» реального сущего, составляет центральную проблему позднесхоластического дискурса об отрицаниях. В отношении к ней философы различают четыре позиции.

Первая позиция: отрицание реального сущего подлинно и реально *есть* и представляет собой негативное сущее, противоположное всякому позитивному сущему. В стилистически примечательной формулировке этой позиции одним из видных участников дискуссии нанизывание уменьшительных суффиксов подчеркивает

²¹ «...unde illa, Rationis *entia*, ita Negationes Rationis *non entia* vocari volunt: utque illa *suum esse*, ita *suum* has *non esse* intellectui debere dictitant. Alii tamen, quamvis exilis eas, et tenuis, ut ita dicam, stirpis esse fateantur, figmenta nihilominus esse pernegant. Quidquid sit, rebus certe positivis perniciosae, ac fatales sunt, utpote quarum semper occasu oriuntur, nascuntur interitu, morte vivunt».

²² «Igitur conceptus obiecti negativi prout distinguitur a positivo consistit in hoc quod positivum ex propria ratione non ducit in cognitionem sui oppositi tanquam fundamenti suae cognoscibilitatis, secus vero negativum».

²³ «...eius terminus debeat quidem simul cum ipsa cognita cognosci, sed non possit cum ipsa affirmata affirmari; imo cum ipsa affirmata necessario negetur: non possim enim affirmare tenebras, quin negem lucem, ex alia parte, possum affirmare lucem, quin aliquid cogitum de tenebris».

бытийную умаленность, почти ничтожность, но все же реальность отрицаний: «Первое мнение гласит, что негативное сущее, или отрицание реального, отличается от любого позитивного сущего, обладает своими внутренними предикатами и представляет собой некие формочки и вещички, которые со стороны реальности, до всякой операции интеллекта, имеются своим способиком» [Bernaldo de Quiros, 1666, p. 738]²⁴.

Вторая позиция: существовать во внемысленном бытии может только позитивное сущее. Поэтому, говоря о реально существующем отрицании, его формально полагают либо в том позитивном действии (чаще всего это декрет божественной воли), которое препятствует существованию отрицаемого сущего, либо в форме того возможного сущего, которое подвергается отрицанию; а препятствие к его существованию называют реальным отрицанием в фундаментальном смысле.

Третья позиция: отрицание вещи никоим образом не может существовать вне интеллекта никаким видом бытия; поэтому оно существует только в объективном бытии в интеллекте и, стало быть, представляет собой *ens rationis*.

Четвертая позиция заключается в том, что *carentiae*, будучи абсолютными негативностями, не существуют даже в объективном бытии, но суть чистое ничто. Они имеются только в реальных актах мышления и речи («актуальные» отрицания) как их значения, но не как объекты (не «объективные» отрицания).

Рассмотрим некоторые выборочные аргументы сторон. Первое мнение, утверждающее реальность отрицаний *a parte rei*, опровергается тем, что в таком случае негативное сущее не отличалось бы от позитивного. Действительно, позитивным называется именно то, что полагает нечто со стороны объекта. Но если некое негативное сущее имеется независимо от интеллекта и обладает собственными внутренними предикатами, а значит, способно принимать предикат бытия и актуально существовать, то как нам различить позитивное и негативное сущее? Откуда нам знать, что именно *свет* позитивен, а *мрак* негативен [ibid., p. 738]?

Из рассматриваемых здесь авторов явным сторонником первой позиции был Томас Комптон Карлтон. В ее защиту он приводит тот аргумент, что как вещь *есть* через свою существенность, так она *не есть* через ее конкретное отрицание. Поэтому небытие антихриста получает именование небытия через отрицание антихриста, небытие света – через отрицание света, и т.д. Но нельзя утверждать, что несуществующая вещь *есть ничто* или что она *не есть через ничто*, если понимать ничто в абсолютном и неопределенном смысле. Ведь тогда стиралось бы всякое различие между небытием антихриста и небытием другого мира, или света, или тепла: если они не существуют через ничто, то и в своем несуществовании не различаются ничем. Очевидно, однако, что со стороны реальности небытие антихриста и небытие другого мира – не одно и то же; следовательно, со стороны реальности они различны; следовательно, отрицания со стороны реальности отличны от чистого ничто и представляют собой некое минимальное нечто [Compton Carleton, 1649, p. 82].

Вторую позицию – о позитивном фундаменте отрицаний – представляет среди наших авторов кардинал Пьетро Сфорца Паллавичино. Интерпретация отрицаний как позитивного решения Бога (*nolitio, odium efficax* – нежелание, действенное неприятие, ненависть) опирается на следующие соображения. Если предположить, что Петр служит термином акта божественного неприятия, мы тем самым уже будем мыслить Петра как несуществующего. Подтверждается это тем, что любое творение в каждый конкретный момент является, если можно так выразиться, «производительно» (не метафизически!) возможным или невозможным в зависимости

²⁴ «Prima sententia tenet ens negativum sic, seu rerum carentias ab omni ente positivo distingui, suis praedicatis intrinsecis constare, esseque quasdam formulas, et entitaturas, quae a parte rei ante omnem intellectus operationem suo modulo reperiantur».

от расположения божественной воли. Так как *carentia* сама по себе ничего не влагает в Петра, производительная возможность Петра определяется тем, что Бог в своей воле соотносит себя с бытием Петра, а производительная невозможность определяется тем, что Бог своей волей соотносит себя с небытием Петра. Но это и есть божественное решение, декрет его противящейся воли: в силу собственного нежелания и неприятия Бог становится как бы неспособным произвести Петра, а Петр, в свою очередь, становится в силу декрета божественной воли не способным быть произведенным в данный момент. Стало быть, он остается ничем, подобно химере. Различие с химерой лишь в том, что в химере неспособность к бытию абсолютна и метафизична, а в Петре она ограничивается моментом божественного нежелания.

Против этой позиции обычно выдвигают аргументы от неизменности божественной воли, и поэтому *carentia* требует наличия, помимо воли, некоего контингентного момента со стороны объекта неприятия: «Неприятие Бога дано всегда, но не всегда дано отрицание Петра; следовательно, это отрицание выражает не только неприятие» [Bernaldo de Quiros, 1666, p. 275]²⁵. Таким контингентным моментом может быть, прежде всего, конкретный момент времени А, в который проявляется нежелание Бога. Кроме того, очевидно различие между утверждениями о небытии разных вещей – например, другого мира или света; следовательно, различие между ними не сводится исключительно к акту нежелания со стороны Бога.

Что касается другого варианта второй позиции, приведем рассуждение иезуита Филиппа Монсе (1570–1619 гг.) из его «Богословских диспутиаций на несколько избранных вопросов св. Фомы». Задача Монсе – показать, что реально существовать никакая негативность не может, зато она может иметь своим основанием и опорой позитивные формы: «Ложно, что то или другое – отрицание или лишенность – существует прежде операции ума, ибо так как то и другое есть не что иное, как лишенность или отрицание какого-либо конкретного сущего, оно может существовать прежде операции ума не более, чем само не-сущее. Так как оно есть отрицание всякого сущего, ему явно противоречит иметь какое-либо существование через себя... Не имеет значения, что многие, как представляется, считают, будто лишенности форм, отсутствующих в материи, но могущих находиться в ней, пребывают в ней прежде, чем формы соединятся с нею... Такая мысль – ребячество: ведь эти лишенности не имеют истинного существования в материи и вообще не обладают бытием, кроме как через измышление интеллекта. Единственное, что истинно, – это факт, что формы, о которых говорится как о лишенностях, не пребывают в этой материи прежде операции ума, а это означает нечто совсем иное, чем существование самих лишенностей» [Moncaeus, 1622, p. 10]²⁶.

Итак, *carentiae* имеют позитивное основание, но сами не существуют внемысленно. Комптон Карлтон предлагает следующий контраргумент. В негативном сущем, как и в позитивном, различаются три модуса: необходимость, невозможность и контингентность, – но различаются как прямо противоположные модусам позитивного: отрицание необходимой вещи невозможно, отрицание невозможной вещи

²⁵ «Odium Dei semper datur; sed non semper datur carentia Petri: ergo haec carentia non dicit solum odium».

²⁶ «Falsum est ullam, sive negationem, sive privationem existere ante opus mentis, quaelibet enim cum nihil aliud sit quam privatio, vel negatio alicuius particularis entis, non magis potest ante opus mentis existere quam ipsum non ens, quod ut est negatio omnis entis, ista plane repugnat ut ullam ex se habeat existentiam... Nec refert quod plerique arbitrari videantur privationes formarum, quas materia non habet, & habere potest, in ipsa esse ante eorum adventum... haec enim eorum cogitatio puerilis est, nam non verè existunt in materia privationes illae, nec omnino sunt nisi fictione intellectus, sed solum verum est formas, quarum dicuntur esse privationes non esse in ea materia, idque ante opus mentis, quod longè aliud est quam ipsas privationes existere».

необходимо, отрицание контингентной вещи контингентно. Поэтому отрицание единственной необходимой вещи – Бога – есть величайшая из химер; отрицание невозможных вещей (козлооленя, человека-льва и т.д.) есть необходимое отрицание. В случае же контингентных вещей (свет, огонь и т.д.) отрицания существуют при несуществовании вещей и не существуют при их существовании. Далее, если отождествлять отрицание с возможностью вещи, это приведет к нарушению принципа: *невозможно одному и тому же одновременно быть и не быть*: если отрицание вещи тождественно ее возможному или актуальному бытию, то, следовательно, небытие вещи тождественно самой вещи; следовательно, бытие и небытие одной и той же вещи – одно и то же, что абсурдно [Compton Carleton, 1649, p. 82].

Согласно третьей позиции, «отрицание сущего в общем смысле со стороны реальности есть абсолютное ничто и потому со стороны реальности не имеет вообще никакого бытия – ни негативного, ни позитивного, но лишь объективно пребывает в нашем уме, причем постольку, поскольку нами мыслится, и есть всего лишь *ens rationis*» [Izquierdo, 1659, p. 194]²⁷. Такова точка зрения Себастьяна Искьердо. Аргумент Искьердо против позиции Комптона и его единомышленников сводится к тому, что суждения с негативными номинальными объектами, как было показано выше, могут быть эквивалентно преобразованы в пропозициональные отрицания, а значит, не выражают никаких негативных объектов со стороны реальности. Преобразуя высказывания типа *этот человек слеп* или *в воздухе разлита тьма*, подчеркивает Искьердо, мы устраняем отрицательные объекты в эквивалентных высказываниях: *этот человек не видит, в воздухе нет света*. Отсутствие зрения или света действительно имеет место в самой реальности, «но небытие подобных сущих в реальности означает не бытие в реальности чего-либо, а скорее небытие, или бытие ничем». «Отсюда явствует, насколько истинно то, что мир не существовал вечно, но это не значит, что вечно существовало нечто, в чем заключалось бы его отрицание» [ibid., p. 199]²⁸. В частности, если Комптон и его единомышленники утверждают, что до сотворения мира имелось его отрицание, то с возникновением мира отрицание должно было бы уничтожиться, а существование – возникнуть. Но переход от небытия к бытию, говорит Искьердо, есть не переход из одного нечего в другое нечего, а переход в некоторое нечего, совершаемый из ничто. Так же обстоит дело и в случае обратного перехода: уничтожение некоторого сущего, действительно имеющее место в реальности, означает не уничтожение одного нечего и возникновение другого (т.е. отрицания этого сущего), но переход из чего-то в ничто.

Наконец, *четвертую позицию* принимает Антонио Бернальдо де Кирос. Приведем слова автора целиком:

Я утверждаю, что *caerentia*, или отрицание, не состоит ни в чем объективном, или: у *caerentia* нет никакого понятия, никакой чтойности со стороны объекта: она есть чистое *небытие*, чистая *не-данность*, и ее сущность, если можно так выразиться, конституируется *отвлечением* и *исключением* всего конститутивного. Поэтому бессмысленно говорить и спрашивать: *в чем состоит отрицание?* Кто спрашивает о чем-то, в силу чего *вещь не существует?* Кто доискивается, что представляет собою то, чем полностью отрицается любое бытие? Так же не спрашивают и о конститутиве отрицания, то есть о *не конституированном*. Ибо сама *caerentia* не конституируется, и остается спрашивать лишь о том, какой конститутив надлежит исключить из отрицания.

²⁷ «...negationem entis in universum a parte rei penitus esse nihil, proindeque a parte rei nullum omnino habere esse, seu negativum, seu positivum; sed tantum in mente nostra obiective; atque ita prout a nobis concipitur, tantum esse ens rationis».

²⁸ «Non esse autem a parte rei eiusmodi entia, non est esse a parte rei aliquid, sed potius non esse, seu esse nihil... Ex quo patet quam verum sit mundum ab aeterno non fuisse, quin ab aeterno existerit aliquid re vera, in quo consisteret negatio eius».

Итак, я утверждаю, что из отрицания нужно полностью исключить любые конституенты... Следовательно, *carentiae*, собственно говоря, никоим образом не есть, не имеют никакого бытия – ни позитивного, ни негативного, но суть чистое *небытие* и со стороны реальности поистине имеют *неимение* [Bernaldo de Quiros, 1666, p. 739–740]²⁹.

Соответственно, отец Бернальдо выводит *carentiae* за пределы ментального сущего не потому, что они обладают неким собственным уменьшенным бытием, как в первой позиции, но потому, что они не имеют *даже объективного бытия*, признаваемого за *entia rationis*. Не иметь объективного бытия означает не иметь понятия, которое могло бы мыслиться и выражать нечто не-сущее. Отсюда следует, что, мысля отрицание, мы в действительности мыслим не объект в каком бы то ни было виде бытия, а только значение слов или предложений, которыми обозначается пустота.

Никакой общепринятой концепции отрицаний схоластика так и не выработала: до самого конца непрерывной схоластической традиции онтологический статус *carentiae* оставался предметом жарких споров. Но рассмотренные нами вопросы (составляющие лишь часть этой проблемной области) свидетельствуют о том, что после Суареса схоластическая философия отнюдь не погрузилась в состояние тепловой смерти. Метафизика не окостенела в ряде догматических утверждений, но, наоборот, переживала фазу активного развития, совершая (в продолжение начатого у Дунса Скота движения) фундаментальный разворот от исследования бытия как внеположного интеллекту начала к исследованию бытия как общего поля реальности и мыслимости. Проблема онтологического статуса отрицаний – один из существенных аспектов этой обновленной метафизики.

Список литературы / References

Bernaldo de Quiros, 1666 – *Bernaldo de Quiros A. Opus philosophicum, hoc est Cursus integer*. Lugduni: Sumptibus Philippi Borde, Laurentii Arnaud, Petri Borde, et Guill. Barbier, 1666. 792 p.

Compton Carleton, 1649 – *Compton Carleton Th. Philosophia universa*. Antverpiae: apud Iacovum Mevrsium, 1649. 621 p.

Doyle, 2012 – *Doyle J.P. On the Borders of Being and Knowing. Late Scholastic Theory of Super-transcendental Being*. Leuven: Leuven University Press, 2012. 326 p.

Embry, 2015 – *Embry B. An Early Modern Scholastic Theory of Negative Entities: Thomas Compton Carleton on Lacks, Negations, and Privations // British Journal for the History of Philosophy*. 2015. T. 23. No. 1. P. 22–45.

Hübener, 1985 – *Hübener W. Die Logik der Negation als ontologisches Erkenntnismittel // Ders., Zum Geist der Prämoderne*. Würzburg, 1985. P. 52–83.

Moncaeus, 1622 – *Moncaeus Ph. Disputationes theologicae in aliquot selectas D. Thomae quaestiones*. Parisiis, sumptibus Sebastiani Cramoisy, 1622. 1092 p.

Novotny, 2013 – *Novotny D. Ens Rationis from Suarez to Caramuel: A Study in Scholasticism of the Baroque Era*. New York: Fordham Univ Press, 2013. 296 p.

Poncius, 1672 – *Poncius I. Philosophiae ad mentem Scoti Cursus Integer*. Lugduni, Sumpt. Laur. Arnaud et Petri Borde, 1672. 974 p.

²⁹ «Dico carentiam, seu negationem in nullo obiectivo consistere, seu carentiae nullum esse conceptum, nullam quidditatem ex parte obiecti, est purum *non esse* purum *non dari*, et si dici liceat, eius essentia consistit in *abstractione*, et *exclusionem*, omnis constitutivi; quare abusive dicitur, et quaeritur *in quo consistat negatio*? Quis quaerat aliquid ut *res non sit*; ut negatur omne omnino *esse*, quis inquiret *esse*? Et constitutivum sic de negatione, seu *de non constituto*. Nam carentia ipsa *non consistit*, et solum quaerendum est quod constitutivum sit excludendum a negatione? Et sic dico a negatione omnimoda omnia constitutiva excludenda... Ergo carentiae proprie loquendo nullo modo sunt, nullum esse habent nec positivum, nec negativum; sed pure *non sunt*: idque a parte rei vere habent: *non habere*».

Schmutz, 2007 – *Schmutz J.* Réalistes, nihilistes et incompatibilistes: Le débat sur les negative truth-makers dans la scolastique jésuite espagnole // Cahiers de Philosophie de L'Université de Caen. 2007. P. 43–131.

Izquierdo, 1659 – *Izquierdo S.* Pharus scientiarum. Lugduni: Sumptibus Claudii Bourgeat, et Mich. Lietard, 1659. 785 p.

Pallavicino, 1653 – *Sforza Pallavicino P.* Disputationes in primam secundae D. Thomae. T.I. Lugduni, Borde, 1653. 300 p.

Soares Lusitanus, 1651 – *Soares Lusitanus Fr.* Cursus philosophicus in quatuor tomos distributus. T. I-II. Conimbricae, Typis Pavli Graesbeeck, 1651. 271 p.

Suárez, 1995 – *Suárez Fr.* On Beings of Reason (De Entibus Rationis). Metaphysical Disputation LIV. Translated from the Latin with an introduction and notes by J.P. Doyle. Milwaukee: Marquette University Press, 1995. 137 p.

Carentiae and the Controversy about Negative Being*

Galina V. Vdovina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: galvd1@yandex.ru

The article deals with the place of negations and privations in the structure of knowledge, from the point of view of the 17th century scholastic philosophy. Medieval scholasticism saw in *negationes* and *privationes* those objects which formed the central area of mental being (*ens rationis*), that is, objects which existed only in intelligence. This traditional concept was clearly articulated and affirmed by Francisco Suárez in the final chapter of his “Metaphysical Disputations”. The decades following the death of Suarez in 1617 were a period of profound transformations in metaphysics, which also affected the doctrine of the mental being. The transformations were particularly evident in the changing role and place of negations and privations which were denoted by the general term *carentiae*, that is, negations in the broad sense. This whole area was divided into fictitious and real negations; fictitious negations remained in the *ens rationis* field, while real negations were taken out of it. It were real negations that attracted special attention of scholastic philosophers who tried to understand their nature and structure and, most importantly, their ontological status: whether they were purely logical and linguistic constructions or represented facts of the real world. The article deals with different conceptions of real *carentiae* in 17th century scholasticism, taken from several philosophical courses of Jesuit philosophers, such as Francisco Suárez (Senior), “Portuguese Suárez” (Francisco Suárez Junior), Thomas Compton Carleton, Antonio Bernaldo de Quiróz, Sebastian Izquierdo and Pietro Sforza Pallavicino.

Keywords: post-medieval scholasticism, negations and privations, *carentiae*, *ens rationis*, mental being, Francisco Suárez

---

* This article has been prepared for publication with the financial support from The Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-011-00162: “Ens rationis: Non-existent objects, mental fictions and negations in the logical and metaphysical discourse of the 17th century scholasticism”.